

VLADIMIR KRIVOLAPOV

«СЛОВО» И «ДЕЛО»
ПРЕПОДОБНОГО ПАИСИЯ ВЕЛИЧКОВСКОГО:
К 300-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПОДВИЖНИКА

Писатель, о котором пойдёт речь, родился в 1722 г. и являл пример «нетипичного» представителя XVIII века, оставаясь при этом плотью от его плоти! Устремлённый к прошлому, ко временам Сергия Радонежского и трепетно почитаемого им Нила Сорского, к византийской истории времен вселенских соборов и великих отцов церкви, он оставался человеком именно XVIII столетия с его культом деятельной, динамичной, не знающей покоя личности. Обычно жития православных святых весьма бедны внешними событиями, чего никак не скажешь о житии этого человека – событий здесь хватило бы на несколько агиографических повествований, так что даже составитель его жития в начале XIX в. мог себе позволить опускать некоторые, весьма любопытные факты его биографии. Он с легкостью переходил из монастыря в монастырь, пересекал (туда и обратно!) государственные границы, преодолевал неимоверные препятствия, возобновлял, казалось бы, безнадежно загубленные начинания.

Его не возводили на костёр, не держали в земляной тюрьме, он не рассылал проклятий своим оппонентам, как Аввакум, но при этом оставался бун-

---

Владимир Николаевич Криволапов, доктор филологических наук, профессор – Курский государственный университет, кафедра литературы (заведующий); адрес для почтовых отправлений: Россия, г. Курск, ул. Радищева, 33; e-mail: vladnik57@rambler.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7786-8316>.

VLADIMIR NIKOLAEVICH KRIVOLAPOV, Doctor of Philology, Professor – Kursk State University, Department of the Literature (Head); correspondence address: 33 Radishchev Str., Kursk, Russia; e-mail: vladnik57@rambler.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7786-8316>.

VLADIMIR NIKOLAEVICH KRIVOLAPOV, doktor filologii, profesor – Kurski Uniwersytet Państwowy, Katedra Literatury (kierownik); adres do korespondencji: Россия, г. Курск, ул. Радищева, 33; e-mail: vladnik57@rambler.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7786-8316>.

тарём и являлся автором одной из очень не многих, единичных для православного Востока XVII-XVIII вв., автобиографии (*Prepodobnyy Paisiy Velichkovskiy* 16). Бунтарский дух не позволил ему обрести сытого и «беспечального» бытия в синодальной России! А ведь все условия для этого имелись! Но... Далеко не всё в окружающей реальности его устраивало! Имя этого человека Паисий Величковский, и отмечать его юбилей собираются разве что в церковно-академических кругах (причем преимущественно на Украине!) – а об общенациональном размахе помышлять не приходится.

В монашеском сообществе о нём не забывали никогда. Еще в 1793 г. ученик Паисия привёз в Россию церковно-славянскую рукопись «Добротолубия» (свод аскетических сочинений), переведенную старцем с греческого издания, кстати, увидевшего свет в Венеции. Тогда же книга была напечатана при деятельном содействии митрополита Санкт-Петербургского Гавриила (Petrova), человека блестяще образованного и живо интересовавшегося русскими древностями. Однако после этого ни названная книга, ни другие сочинения старца десятилетиями не переиздавались, так как содержание её многие церковные авторитеты находили еретическим.

Это и не удивительно, ибо XVIII век в русской истории был не только эпохой освоения западной секулярной культуры, но и временем безраздельного господства западного богословия. В тогдашних духовных школах господствовала не только латынь, как язык преподавания, но и авторитет католических и протестантских богословов. Святоотеческий метод богословствования был забыт, равно как и сами имена многих отцов.

После кончины старца в 1794 г. имел место массовый исход русских иноков из его молдавских монастырей. Десятки, если не сотни учеников преподобного Паисия возвращались на родину с книгами своего учителя и приближали своей незаметной деятельностью явление миру феномена оптинского старчества и возвращение русского богословия к святоотеческой традиции.

В 1809 г. в типографии молдавского Нямецкого монастыря были отпечатаны поучения Феодора Студита и Исаака Сирина. Книга поучений преподобного Исаака была отправлена в Санкт-Петербург, где прочитавший её митрополит Амвросий запретил распространение издания и распорядился арестовать весь тираж, так как содержание сочинений сирийского созерцателя показалось ему «противным смыслу учения православной христианской церкви» (*Yatsimirskiy*, «Neskol'ko momentov» 743). Однако десять экземпляров книги уже были отправлены в Россию и усилия, направленные на их изъятие, успехом не увенчались, книги переходили из рук в руки, цена

их мало-помалу росла и достигла 100 рублей ассигнациями за экземпляр (Kivolapov 144).

В 1852 г. оптинцам, задумавшим издание того же автора и в том же переводе, пришлось столкнуться с аналогичными трудностями. К начинанию был подключен митрополит Московский и Коломенский Филарет (Дроздов), человек, как принято считать, всесильный в делах церковных, но в данном случае оказавшийся практически беспомощным. Когда уже никто из оптинцев не надеялся, что книга увидит свет, наконец было получено разрешение на печатание книги, и только к Пасхе 1855 г. первые из 2400 экземпляров «Словес» Исаака Сирина в переводе Паисия Величковского были доставлены в Оптину пустынь.

История создания и публикации жития самого преподобного Паисия выглядит не менее драматично, чем его биография. Драматизм ситуации определялся прежде всего тем, что в стенах молдавского Нямецкого монастыря, где настоятельствовал Паисий, проживали иноки не менее десяти национальностей (Роров 87). При жизни преп. Паисию удавалось приводить к общему знаменателю национальные, прежде всего лингвистические предпочтения братии. Ситуация осложнилась после его кончины, так что румынский язык постепенно вытеснил славянский, а в середине XIX века, правительственным распоряжением, и вовсе был запрещён к употреблению.

Через двадцать лет после того как в 1794 г. старец оставил бранный мир, его ученик монах Митрофана написал на церковнославянском языке житие своего учителя, но не успел отредактировать текст. Работа была продолжена монахом Исааком. На этот раз агиограф был родом из Румынии, соответственно, из-под его руки вышел текст на румынском языке. Но ситуация повторилась: Исаак скончался, не завершив начатый труд! Общее собрание братии постановило подготовить житие на двух языках, и тогда монах Платон написал житие как на румынском, так и на церковнославянском. Оно было напечатано в монастырской типографии в 1836 г. В России же впервые было опубликовано (разумеется, только в церковнославянском варианте) в январском номере «Москвитянина» за 1845 г. («Zhitiye i podvigi») – журнал в это время редактировал И.В. Киреевский, затем через два года переиздано в Оптиной пустыни (Zhitiye i pisaniya), а в течение XIX столетия та же Оптина переиздала его ещё три раза.

В самом начале XX столетия молодой петербургский славист А. И. Яцимирский в фондах Библиотеки Академии наук обнаружил автобиографию Паисия, в Харькове издал книжку (всего 19 стр.) (Yatsimirskiy, *Vozrozhdeniye*), где отследил жизненный путь старца, черпая сведения из рукописи.

Ни само открытие, ни публикация исследовательского энтузиазма не вызвали. И лишь в 1986 г. церковнославянский текст автобиографии преподобного Паисия был издан в... Греции ныне покойным византологом и славистом Антонием Тахиаосом (Tahiaos). В 2004 г. автобиография преп. Паисия, наконец, была опубликована в России Петром и Марией Жгун, а в 2006 г. переиздана Московской Патриархией (*Prepodobnyy Paisiy Velichkovskiy*).

Вместе с автобиографией профессор А. Тахиаос опубликовал и пространное житие старца, составленное Митрофаном. Для нас же наибольший интерес представляет возможность сопоставления двух текстов – автобиографического и биографического, выполненного в полном соответствии с агиографическим каноном. Когда Паисий рассказывал о своей жизни, он вовсе не думал писать житие – здесь, помимо прочего, вовсе отсутствует упоминание о чудесах, коими изобилует житие Аввакума. Поведал Паисий о событиях 1722-1746 гг., т. е. о своем детстве, отрочестве, юности и молодых годах – до того момента, как он окончательно покинул пределы Российской империи. О тех временах, когда он проявился как книжник, неутомимый собиратель, искушенный переводчик, издатель; мудрый и волевой игумен-администратор, щедрый благотворитель, многие годы стоявший во главе монастырской разноязыкой братии; как аскет-практик, и, наконец, как духовный наставник, вдохновения у которого искали люди практически из всех православных земель, – об этих временах можно прочитать только у Митрофана. Когда же читаешь самого Паисия, не оставляет впечатление, что перед тобой не житие, а приключенческий роман, изобилующий занимательными или курьёзными эпизодами. Паисиевы тексты, сведенные в единый корпус, дают представление о встрече двух литературных систем: той, что всё ещё тяготела к традициям Средневековья, и той, что вдохновлялась Новым временем.

Родился Паисий в Полтаве, в крещении получил имя «Пётр» и был сыном тамошнего протопопа Иоанна Величковского, двенадцатым ребёнком в семье. Священником был еще его прадед, а прапрадед – «знатным и богатым казаком»! Но это по отцовской линии. Что же касается материнской, то вот «неагиографическое» свидетельство Паисия: «Прадед мой бе славный и богатый купец еврейска рода, прозываемый Мандя, иже и крестися в Полтаве, в приходе Преображения Господня со всем домом своим. Дед же Григорий Манденко» (*Prepodobnyy Paisiy Velichkovskiy* 43).

Митрофан ни словом не обмолвился о еврейских предках своего учителя, быть может, потому что национальный вопрос не утрачивал своей актуаль-

ности в многонациональной братии молдавских монастырей – хотя евреи среди монахов были! (Роров 87). Паисий проявлял исключительный такт и прилагал немало усилий к тому, чтобы избежать конфликтов, но после его кончины равновесие год за годом утрачивалось.

Мальчику было всего три года, когда он остался сиротой – умер отец, а по прошествии еще девяти лет и брат Петра – Иоанн, который не только носил имя покойного отца, но и унаследовал его должность – настоятеля местного Успенского собора. Вдовствующая матушка Ирина действовала решительно: взяла своего сына, рекомендательное письмо («писание просительное») от его крестного отца полковника Василия Кочубея и отправилась в Киев, где добилась приема у митрополита Рафаила Заборовского. По тогдашнему обычаю представляемый митрополиту отрок должен был произнести «стихи некия, от учена мужа сотворены», и тринадцатилетний попович произнес, причем, как впоследствии не без иронии вспоминал, «со всяким дерзновением и подобающим произношением велегласно» (*Prepodobnyu Paisiy Velichkovskiy* 44).

Декламация произвела на киевского архипастыря весьма благоприятное впечатление: «Бысть тебе наследником!» – провозгласил он, и матушка вернулась в Полтаву с бумагой, подтверждающей право Петра на замещение места покойного отца. Сам он тогда же был определен в киевское духовное училище, и участь его, казалось, была предрешена!

Научившись грамоте по «Букварю» и «Часослову», Пётр начал читать книги из приходской библиотеки, среди которых имелись и сочинения отцов-аскетов. После того, как Петра определили в Киевское училище, он два летних месяца «школьного распускания», т. е. каникулярное время, неизменно проводил в Полтаве, используя его «ни для чего иного», как чтения аскетической литературы, и к 16 годам твёрдо определился в намерении пойти в монахи. Знаменательно, что одновременно с решением отречься от мира Пётр полностью утратил интерес к учёбе, тогда как до этого, в течение трёх лет «со всяким усердием прохождах школьное учение!»

Зимой неожиданно исчезли два однокашника Петра, вскоре обнаружившиеся в одном из киево-печерских скитов. Семинарское начальство, надо полагать, не знало о местонахождении беглецов, а вот прослышавший о нём Петр устремился в скит. Здесь он встречается с беглецами, принимает участие в богослужениях, в совместном чтении «душеполезных» текстов – Паисий упоминает поучения Ефрема Сирина... Единственная в скиту деревянная церковь была освящена во имя Сергия Радонежского. Внутри храм был обильно украшен иконами («иконным тканьем») – «в нем изображени

бяхом... преподобнии отцы Великороссийстии чудотворцы» (*Prepodobnyu Paisiy Velichkovskiy* 52). Таким образом Паисий указывает на визуальное подтверждение того, что традиции «золотого века» великорусского аскетизма, традиции преп. Сергия сохраняли в монастыре свою актуальность. Определяемый этими традициями скитский уклад жизни очень понравился юноше, он с удовольствием остался бы здесь, против чего не возражал и скитоначальник, но, понимая, что в киевском скиту он не сможет «утаиться» от матери, Пётр вынужден был вернуться в училище.

Когда наступило очередное «летнее распускание», т.е. четвёртые по счёту каникулы, Пётр не поехал в Полтаву, к матери, а остался в Киеве. На Подоле, близ церкви Николая Чудотворца, «нарицаемого Добраго», он снял угол у «единия старья вдовицы» и начал присматриваться к жизни в киевских обителях. В сентябре того же, 1739 г., по окончании очередной русско-турецкой войны, в Киев в сопровождении победоносного, но изрядно потрёпанного воинства генерал-фельдмаршала Миниха прибыл митрополит Молдавский Антоний (Путняну-Черновский). Посещая своего наставника иеромонаха Пахомия, настоятеля Братского Богоявленского монастыря, которого некогда Антоний и рукополагал, Пётр познакомился и с самим Антонием, и с его окружением. Получив архипастырское благословение, юноша получил и возможность присутствовать на литургии, которую совершал Антоний. Впервые Пётр услышал богослужение на молдавском языке, и с этого момента в нём проснулась любовь («любы») к «благословенному сему молдавскому языку», народу и «Богохранимой сей земли» (*Prepodobnyu Paisiy Velichkovskiy* 59). Тогда же его намерение «изыти от отечества» возымело конкретное измерение – «изыти» в Молдавию.

В конце января следующего года Пётр узнал, что кто-то из земляков и однокашников донёс на него начальству: де, мол, не учится, а мать из сил выбивается, чтобы его содержать – к тому времени он остался единственным ребёнком из двенадцати детей Ивана и Ирины Величковских. К нерадивому бурсаку пришли два соученика и отвели к ректору Сильвестру Кулябке, тому самому который в 1750 г. станет архиепископом Петербургским и первоприсутствующим членом Святейшего Синода! Ректор потребовал объяснений, и Паисий, проявив свой неукротимый нрав, объяснился: намерен быть монахом, «пиитические басни про богов и богинь эллинских» возненавидел, «от такового учения не ощущаю в душе своей пользы!» К этому строптивый бурсак присовокупил и обличения в адрес духовных лиц «монашеского чина», которые «драгоценными ризами украшаются» и на «прекрасных колесницах» разъезжают (*Prepodobnyu Paisiy Velichkovskiy*

60). Сильвестр, которого вспоминают как блестящего оратора, переубедить своего юного оппонента не смог, «зело оскорбися» и пригрозил «жестоким биением наказати» школяра. Так завершились прения юного «диссидента» и первого лица (в скором будущем!) в российской церковной иерархии!

Лето, как обычно, Пётр провёл в Полтаве, стараясь подготовить мать к тому, что вскоре станет монахом. Женщина, давно догадывавшаяся о его намерении, всячески отговаривала единственного сына от этого шага, и Пётр в конце-концов сдался – но только для видимости: обещал доучиться, вернуться в родную Полтаву, быть может, и «ожениться».

Возвратившись в Киев, Пётр здесь надолго не задержался, а устремился в сторону Чернигова. Дело в том, что в 1740 г. упомянутый уже Антоний (Путняну-Черновский) был назначен митрополитом Черниговским и Нежинским, а вслед за ним в Чернигов отъехал и духовник Петра иеросхимонах Пахомий. Какой-то старик предложил ему и его спутнику, поповичу из Новгорода Северского, доставить их в Чернигов водным путём. Только совсем молодой человек, не искушённый в житейских испытаниях, мог согласиться на такую авантюру: дело было в октябре и путешествие превратилось в многодневную пытку. Плыть пришлось против течения, самим сидеть на вёслах, лодка была мала и едва-едва не черпала бортами ледяную речную воду. Дождь со снегом, холод, от которого не спасала лёгкая одежда (все тёплые вещи остались в Киеве!), вши, терзавшие продрогшее тело слабого здоровьем отрока – обо всё этом Паисий подробно пишет в автобиографии. По ночам на берегу путешественники разводили огромный костёр, стараясь согреться и избавиться от паразитов, прожаривая одежду над костром. Всё это усугублялось «страхом ради потопления» (*Prepodobnyu Paisiy Velichkovskiy* 69), сопровождавшим их на протяжении всего пути. Уже недалеко от Чернигова, когда плыли по Десне, от берега отвалился огромный пласт земли, едва не потопивший ладью – тогда юноши плыли уже в долблёных лодках («дубах»), куда пригласили их некие «христолюбцы».

Старец Пахомий направил своего ученика в отстоящий на 40 вёрст от Чернигова Любечский Антониев монастырь. В середине XVIII столетия это была граница России и Речи Посполитой, которая начиналась сразу же за Днепром. Нет ничего удивительного, что близ монастыря, юноша увидел... пограничную заставу, и это повергло его в ужас! Дело в том, что у тайно покинувшего духовное училище Петра не было ни одного документа, подтверждающего его личность!

Обитель пришлась юноше по вкусу! Бедность здесь царил невероятная, игумен поразил его нищенским видом, самому ему благословили носить

подряник только что скончавшегося монаха. Но главное! Здесь в его руки попала «Лествица» Иоанна Синайского. Книгу он прочитал на одном дыхании и не в силах расстаться с нею принялся переписывать – ночью, при свете невероятного размера лучины («яже долготою бяше единого саженья») (*Prepodobnyy Paisiy Velichkovskiy* 77), вставленной в щель на стене, задыхаясь от дыма, время от времени прерывая работу и раскрывая настежь двери, ибо под потолком кельи скапливалось столько чада, что даже приникая щекой к столу, от него невозможно было укрыться.

Увы, работу завершить не удалось. Через три месяца в монастыре сменился настоятель: игумена Никифора куда-то перевели, а на его место прибыл новый настоятель, некто Герман Загоровский – «муж учен», который стал управлять монастырём по-новому – «властителски». Братия «толь ужа-сошася», новому начальнику, что «страха ради» «разбегошеся от обители неведомо где!» (*Prepodobnyy Paisiy Velichkovskiy* 80). Пётр до поры остался, но однажды, попав Герману под горячую руку, за малую провинность был избит и в ужасе бежал из Любеча, причём компанию ему составил слуга самого Загоровского. Дальнейший текст читается как продолжение авантюрного романа: герои, дождавшись ночи, спускаются к Днепру, при свете луны («бе бо и ночь тогда просвещаема луной») обходят выставленные пограничные «рогатки», опасаясь, что «стражи имут» их). По льду переходят Днепр и оказываются на... территории Речи Посполитой. Т.е. Пётр реализовал своё давнишнее намерение покинуть пределы Отечества «чернечества ради» (*Prepodobnyy Paisiy Velichkovskiy* 84).

Через «великие леса» беглецы идут «до града Чернобеля», затем по льду переходят реку Припять, и если на Днестре ко времени побега из монастыря лед был еще крепким, то теперь он прогибался под ногами, весь был в промоинах, а когда герои оказались на противоположном берегу и едва перевели дух, река вскрылась и начался ледоход: «Седящем же нам начат по всей рече оней ломатися лёд с великим звуком и превращатися аки стены некия пловуще вниз» (*Prepodobnyy Paisiy Velichkovskiy* 83).

Пётр добрался до «скитка» «над Днестром», который «именовался Ржищев». Здесь его посетило очередное испытание: разболелся желудок, отказывавшийся принимать какую-либо пищу. Болезнь продолжалась больше месяца, и ещё не до конца выздоровевший отрок покинул монастырь в сопровождении трёх монахов, направлявшихся в Молдавию. В одном из придорожных сёл странники выслушали рассказ местного «дьяка», поведавшего об опасностях, которые будут подстерегать их по дороге в Молдавию. В частности, рассказал о гонениях со стороны местной католической

шляхты на православных: незадолго до их прихода в село местный пономарь отказался читать Символ веры в католической редакции, с добавлением *Filioque*, за что был немилостиво избит и умер от побоев. Услышав сие, «монаси о'ни, спутници мои, убояшася далечеа ити»), (*Prepodobnyu Paisiy Velichkovskiy* 89) – сообщает Паисий. Идти решили «не далече от Днепра», где имелись православные монастыри. Дело происходило на правой стороне Днепра. На левый, т.е. российский берег странники не переправлялись, предпочитая оставаться в Польше. Вряд ли случайно!

Судьба привела его в Медведовский Никольский монастырь, что находился на реке Тясмин (правый приток Днепра), примерно в двухстах верстах ниже Киева). Еще в Киеве Петра неприятно удивило, что для тамошних ученых монахов как бы не существовало писаний, составлявших основу православной богословской и аскетической доктрины, читали они исключительно латинские богословские сочинения. В Медведовском же монастыре Паисий столкнулся и с полнейшим забвением древних монашеских традиций, и это было скорее правилом, чем исключением для тогдашних российских, а особенно украинских монастырей. Вспоминая свое кратковременное пребывание в этой обители, Паисий задним числом недоумевал, с какой легкостью его постригли в рясофор (первая степень монашества): он даже не изъявлял к этому желаний, не говоря о том, что его не подвергли скольконибудь серьезному и длительному искусству, не связали «отсечением воли».

Постриг сопровождался двумя анекдотичными обстоятельствами. Во-первых, новонаначальному иноку пришлось помыть голову, которая, страшно сказать, пять месяцев, с момента бегства из Любеча, оставалась немойтой: не было ни времени, ни возможности «не точию главу измыти, но ниже власов расчесати». Во-вторых, его, названного в постриге Порфирием, братия, не разобравшись в ситуации, стали именовать Платоном – перепутали имена, так как вместе с Величковским постригался ещё один послушник, получивший именно это имя. Новоначальный инок пошёл к игумену то ли с жалобой, то ли за разъяснением, а тот, пожав плечами, благословил им именоваться так, как именуют их братия, и не «иметь о сём ни единого смущения». Так будущий подвижник до тех пор, пока не стал в мантии (следующая степень монашества) Паисием, именовался чужим монашеским именем... Через неделю после пострига его наставник куда-то исчез, и до конца дней своих Паисий ничего о нем не слышал.

Вскоре Паисий на собственном опыте узнал, что такое гонения от «зловластных властей». Дело, напомним, происходило в Речи Посполитой... В обитель явился некий «сановный муж», собрал всех иноков и стал

убеждать их присоединиться к унии. Так как согласных не нашлось, он изъял из храма богослужебные сосуды, саму церковь запер на замок и опечатал. Через месяц братия начала разбредаться, «где кто изволяше» (*Prepodobnyu Paisiy Velichkovskiy* 99), Паисий же для себя решил «никогда же в таковых странах жити, идеже гонение бывает на Церковь Божию», утвердился в намерении «пойти в хранимую землю Молдавскую», но пока решил возвратиться... в синодальную Россию, т.е. в Киев, куда направлялись три человека из братии порушенного монастыря.

Паисий буквально на полуслове прерывает своё повествование, не сообщив даже о своём отшествии в Молдавию. Лишь на первый взгляд это может показаться неожиданным, ибо весь материал, достойный составить основу приключенческого романа, был уже исчерпан, далее следовали события, составляющие *житие* Паисия, которое и написал схимонах Митрофан. Его не интересовали приключения или курьёзные происшествия, он воссоздавал путь духовного восхождения своего учителя, свидетелем которого оставался в течение тридцати лет. Так, именно от Митрофана читатель узнаёт, как в молодые годы Паисий боролся со сном: спал только сидя на сконструированном им самим ящике («лубяной коробочке»), который переворачивался, как только сидящий на нём крепко засыпал. Сну же отводилось не более трёх часов сутки. Сам Паисий ни о чём подобном не писал – изначально отсекая саму возможность «превозношения».

В компании со своим давним знакомым Алексеем, «родимцем киевским», Паисий в очередной раз пересёк границу («прешедшу предел»), и уже здесь их настиг некий «сродник» Алексеев, затем «приехала» мать и возвратила сына домой! Вновь Паисий остался один!

Вскоре он оказался Мотронинском Свято-Троицком монастыре, на Черкасщине, т.е. вновь на территории Речи Посполитой, и отсюда по окончании Великого поста отправился в многодневное путешествие в Молдавию! Здесь он живёт сначала в монастыре Трейстены, затем в скиту Кырнул – всего около трёх лет, а 24-х лет от роду, в 1746 году, в сопровождении иеромонаха Трифона предпринимает путешествие на Афон. Едва ступив на землю Святой Горы, паломники разболелись. Монахи монастыря Пантократор, где было немало русскоговорящих насельников, растирали их спиртом, насильно заставляли пить вино... Паисия удалось спасти, вызвав у него сильную рвоту, а вот его спутник иеромонах Трифон умер.

Первые впечатления от пребывания на Афоне были связаны... с разочарованием: вопреки своим ожиданиям он не нашел здесь опытных старцев. Пришлось поселиться одному в заброшенной келье и «поучаться» не у стар-

цев, а «от книг», которые можно было брать в соседнем монастыре у болгарских иноков. В том же году к Паисию пришел «монах юн», румын Виссарион и попросил стать его духовным наставником. Выслушав категорический отказ, Виссарион через некоторое время повторил свою просьбу, потом еще и еще раз, пока не добился разрешения поселиться подле Паисиевой кельи. Паисий же, давая на это согласие, условился с юным монахом, что духовным отцом его он все же не станет, а наставления они будут черпать в книгах: «Вместо же Отца и наставника имееху учение святых и Богоносных отец наших» (*Zhitiye i pisaniya* 18). Современная исследовательница усматривает в ситуации торжество принципа *взаимопослушания* – способа организации монашеской жизни, до той поры неведомого! (Briskina-Myuller 238). Вскоре стали приходиться иные братья, обращаясь с той же, что и Виссарион, просьбой, но каждый раз Паисий отвечал тем же решительным отказом. Уступил он лишь через 4 года, предложив присоединиться к братству на условиях взаимопослушания. Вскоре собравшаяся вокруг него монашеская община насчитывала уже 12 человек – 8 румын и 4 русских.

Оказавшись во главе немногочисленной братии, Паисий стал перед необходимостью «поучать» ее. Поучать же, вернее «поучаться», если речь шла о *взаимопослушании*, следовало от «богодуховенных писаний» и «от святых отец», это и заставило его вместе с учениками активно заняться собиранием и переписыванием славянских книг. Сразу же пришлось столкнуться с первой серьезной трудностью: до тех пор, пока Паисий пользовался книгами сам, утоляя собственную духовную жажду, он мог мириться с подпорченностью и замутненностью смысла переводных текстов, но, когда те же самые сочинения приходилось практически каждодневно читать в трапезной (а Паисий делал это сам, когда по-славянски, когда по-румынски) для всей братии, они оказались малопригодными. Паисий попытался пробиться к точному смыслу посредством сопоставления различных славянских списков одного и того же текста, но успеха не добился. Так сами обстоятельства подвели его к пониманию необходимости обращения к грекоязычным первоисточникам.

Но разочарование поджидало его и теперь: обойдя все крупнейшие греческие монастыри на Афоне, Паисий не нашел не только интересующих его книг, но и монахов, которым были бы известны имена почитаемых им авторов. Помогла, как это часто бывает в таких ситуациях, случайность: зайдя по дороге в беднейший скит святителя Василия Великого, на столе, в келье, куда он был приглашен гостеприимным хозяином, Паисий увидел переписываемую книгу Петра Дамаскина. Радости его не было предела, когда он

узнал, что, кроме этой, у монаха есть еще и книги Исихия Иерусалимского, Симеона Нового Богослова, аввы Исаии, Григория Синаита и некоторых других отцов. Переписчик объяснил, что все эти сочинения на «эллино-греческом» языке (так Паисий называл среднегреческий язык, на котором византийцы говорили и писали с V по XV вв.) практически непонятны современным грекам, а потому остаются невостребованными. Паисия свели с другим монахом, которого – обещая ему тройную плату – он умолял переписать эти книги. От непомерно щедрого воздаяния монах отказался, но заказ принял и «за два с небольшим года до нашего выхода со Святой Горы, – вспоминал впоследствии Паисий, – краснописец этот... переписал мне часть столь желанных для меня книг» (*Startsy otets Paisiy Velichkovskiy* 13). В 1750 г. Величковский принимает постриг в мантию, получая имя «Паисий», а в 1758 г. его рукополагают в иеромонаха.

В 1763 г. в очередной раз пришлось сменить место пребывания. Направились в хорошо знакомую Паисию Молдавию, точнее Буковину, куда его настоятельно приглашали облеченные властью и располагающие немалыми денежными средствами люди и где в его распоряжение был предоставлен монастырь Драгомирна. Здесь-то и началась деятельность «родимца полтавского» по переводу собранных на Афоне и переписанных книг, деятельность, принесшая ему репутацию восстановителя древних аскетических традиций.

За высокими стенами Драгомирны Паисий с братией провёл 12 лет, до того, как по окончании русской-турецкой войны, Буковина, пребывавшая до того в составе Турции, отошла Австро-Венгрии, а новые власти поторопились упразднить большую часть православных монастырей. Пришлось перебираться в саму Молдавию, в монастырь Секул – уединенный, но тесный для разросшейся братии, а ещё через четыре года – в просторный Немецкий монастырь.

Плодом трудов Паисиева кружка переводчиков и переписчиков явились переводы творений двадцати четырех отцов-аскетов, составивших первое русское «Добротолюбие», опубликованное в России в 1793 г. Но это не все! В издание не вошли переводы Исаака Сирина, Иоанна Лествичника, Максима Исповедника, Симеона Нового Богослова, Феодора Студита и других отцов церкви.

Паисий впервые отважился издать сочинения Нила Сорского. Для него Нил – это «великий старец», «преподобный отец наш», «ближайший к нам преподобный отец наш, российское светило». Его произведения Паисий переписывал еще в юности, и, как убедительно показала М. Боровкова-Майкова, наиболее сильное влияние на «родимца полтавского» как на писателя

оказал именно сорский подвижник конца XV – начала XVI в., спасенный им от забвения (Borovkova-Maykova 27-83).

Напряжённейшая литературная деятельность Паисия продолжалась буквально до последнего его вдоха. Вот как воссоздаёт Митрофан ситуацию:

Како же писаше, удивлятися подобает: немощен бо телом отнюд бяше, и во всем правом боку бяху ему раны. На одре убо, идеже почиваше, окрест облагаше себе книгами: ту положены бяху словари разноязычнии. Библия греческая и словенская, Грамматика греческая и словенская, книга, из нея же превод творяше, посреде же свещи. Сам же яко малое отроча, седя согнувшеся, всю ночь писаше, забывая и немощь тела, и тяжкия болезни и труд. (*Prepodobnyu Paisiy Velichkovskiy* 183).

Паисию удалось подержать в руках лишь одно издание своих переводов, 15 ноября 1794 г. он скончался, и лишь через 50 лет они, один за другим, начали выходить, подготовленные к изданию в Оптиной пустыни. К концу XIX века пришло понимание, что именно преподобный Паисий, «родимец полтавский», как он сам себя аттестовал, Словом, (спасёнными от забвения книгами святых отцов) и Делом (своей аскетической практикой), приближал расцвет русского монашеского подвижничества XIX века. А быть может, не только его! Ведь всего в русской истории было три периода аскетического пробуждения: в XI-XII, XIV-XV и XVIII-XIX вв. Непостижимым образом каждый раз это пробуждение сопровождалось расцветом русской культуры. Если во времена Антония и Феодосия Печерских, Сергия Радонежского и Андрея Рублева созидателями культурных ценностей практически всегда являлись сами аскеты, то во времена Паисия Величковского и Амвросия Оптинского их созидали люди сугубо светские. Но те, которые поколение за поколением посещали Оптину пустынь! Уже в XX веке такие же «сугубо светские» люди, вобравшие трагический опыт трёх революций и двух мировых войн, вспоминали о том, что Пушкин и Серафим Саровский были современниками, строили предположения, почему они не встретились, или, больше того, рассуждали о достоверности легенды об их встрече. Так что уроки преподобного Паисия не прошли даром не только для монашествующих, но и для тех, кому приходится о нём напоминать – в канун его 300-летия.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Borovkova-Maykova, Mariya. «Nil Sorskiy i Paisiy Velichkovskiy». *S. F. Platonovu – ucheniki, druz'ya i pochitateli*. Тип. Гл. упр. Уделов, 1911, ss. 27-83. [Боровкова-Майкова, Мария. «Нил Сорский и Паисий Величковский». *С. Ф. Платонову – ученики, друзья и почитатели*. Тип. Гл. упр. уделов, 1911, сс. 27-83].
- Briskina-Muller, A[nna] M[ikhaylovna]. «Stranniki, bezhentsy, bogomol'tsy. Prp. Paisiy Velichkovskiy i problema palomnichestva». *Voprosy teologii*, t. 1, no. 2, ss. 235-251 [Брискина-Мюллер, А[нна]. М[ихайловна]. «Странники, беженцы, богомольцы. Прп. Паисий Величковский и проблема паломничества». *Вопросы теологии*, т. 1, № 2, 2019, сс. 235-251].
- Krivolapov, V[ladimir]. «Optina pustyn': yeyë geroi i tysyacheletniye traditsii». *Prometej. Molodaya gvardiya*, t. 16, 1990, ss. 126-148 [Криволапов, В[ладимир]. «Оптина пустынь: её герои и тысячелетние традиции». *Прометей. Молодая гвардия*, т. 16, сс. 126-148.]
- Popov, N[ikolay] P[etrovich]. «Rukopisi Moskovskoy Sinodal'noy (Patriarshey) biblioteki.» Вур. 2. *Sobraniye rukopisey Moskovskogo Simonova monastyrya. Chteniya v Imperatorskom obshchestve istorii i drevnostey rossiyskikh pri Moskovskom universitete*. Кн. 2 (233), Тип. I slovolitnya O.O. Gerbeка, 1910. [Попов, Н[иколай] П[етрович]. «Рукописи Московской Синодальной (Патриаршей) библиотеки.» Вып. 2. *Собрание рукописей Московского Симонова монастыря. Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете*. Кн. 2 (233). Тип. и словолитня О.О. Гербека, 1910.]
- Prepodobnyy Paisiy Velichkovskiy. Avtobiografiya. Zhitiye*. Svyato-Troitskaya Sergiyeva Lavra, 2006. [Преподобный Паисий Величковский. Автобиография. Житие. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2006].
- Robinson, A[ndrey]. *Zhizneopisaniya Avvakuma i Yepifaniya*. Izdatel'stva AN SSSR, 1963 [Робинсон, А[ндрей]. *Жизнеописание Аввакума и Епифания*. Издательства АН СССР, 1963]
- Startsy otets Paisiy Velichkovskiy i otets Makariy Optinskiy i ikh literaturno-asketicheskaya deyatelnost'*. Afon. rus. Panteleymonov monastyr', 1909. [Старцы отец Паисий Величковский и отец Макарий Оптинский и их литературно-аскетическая деятельность. Афон. рус. Пантелеймонов монастырь, 1909].
- Tahiaos Antone-Emil N. *The Revival of Bizantine Misticism among Slavs and Romanians in the XVIIIth Centhury. Texts Relating to the Life and Activity of Paisy Velichkovsky (1722-1794)*. Aristoteleion Panepistemion Thessalonikes, 1986.
- Yatsimirskiy, A[leksandr]. «Neskol'ko momentov iz istorii russkogo religioznogo mistitsizma». *Strannik* t.1, tchast' 2, 1906, ss. 737-747 [Яцимирский, А[лександр]. «Несколько моментов из истории русского религиозного мистицизма». *Странник*, т.1, ч. 2, сс. 737-747.
- Yatsimirskiy, A[leksandr]. *Vozrozhdeniye vizantiysko-bolgarskogo religioznogo mistitsizma i slavyanskoj asketicheskoy literatury v XVIII veke*. Tipolitogr. S.A. Shmerkovicha, 1905 [Яцимирский, А[лександр]. *Возрождение византийско-болгарского религиозного мистицизма и славянской аскетической литературы в XVIII веке*. Типолитограф. С.А. Шмерковича, 1905].
- Zhitiye i pisaniya moldavskogo startsa Paisiya Velichkovskogo*. Izd. Kozel'skoy Vvedenskoj Optinoj pustyni, 1847. [Житие и писания молдавского старца Паисия Величковского. Изд. Козельской Введенской Оптиной пустыни, 1847].
- «Zhitiye i podvigi ottsa nashego Paisiya, arkhimandrita moldavskikh svyatykh monastyrey Nyame-tskego i Sekula.» *Moskvityanin*, tcast' II, no. 4, 1845, ss. 1-78 [Житие и подвиги отца

нашего Паисия, архимандрита молдавских святых монастырей Нямецкого и Секула. *Москвитянин*, ч. II, № 4, 1845, сс.1-78].

«СЛОВО» И «ДЕЛО»
ПРЕПОДОБНОГО ПАИСИЯ ВЕЛИЧКОВСКОГО:
К 300-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПОДВИЖНИКА

Резюме

К XIX в. пути европеизированной, секулярной России и народной «Святой Руси» окончательно разошлись. Н. Бердяев рассуждал о том, что Серафим Саровский и А.С. Пушкин были современниками, но не знали друг о друге и не испытывали потребности узнать. Вместе с тем во второй половине XVIII в. в монастырях Молдавии подвизался человек, о котором почти наверняка слышал Пушкин и сочинения которого внимательно читал св. Серафим. Звали его Паисий Величковский (1722-1794) и он в своей деятельности наметил пути преодоления имевшего место «раскола». Ученики преп. Паисия находили пристанище в российских монастырях, его сочинения и переводы святоотеческих текстов пользовались исключительной популярностью в монашеской среде, а его последователи взрастили оптинское старчество – феномен, ради которого в Оптиной пустыни перебивали почти все литературные классики от Гоголя до Пришвина. Автора настоящей статьи интересует прежде всего Паисий как автор собственной автобиографии. Помимо этого текста, существуют несколько вариантов жития подвижника, созданных либо его учениками, либо учениками его учеников. Автобиография несколько не напоминает житие, в жанровом отношении это скорее авантюрный роман, тогда как житие Паисия, написанное его учеником Митрофаном, в полной мере соответствует агиографическому канону. Паисиевы тексты, сведенные в единый корпус, дают представление не только о личности подвижника, но и о встрече двух литературных систем: той, что всё ещё тяготела к традициям Средневековья, и той, что вдохновлялась Новым временем. Сама личность Паисия гармонично сочетала в себе черты, традиционные для монаха-аскета (эталонной фигуры для русского Средневековья), и те, что «изобличали» в нём человека динамичного XVIII столетия. Автор статьи убеждён, что не только наследие святого Паисия, но сам его образ являет воплощённый ответ на вопрос о путях преодоления «раскола».

Ключевые слова: раскол; книги; аскетизм; житие; автобиография; монастырь; Молдавия; Речь Посполитая; авантюрный роман.

„SŁOWO” I „DZIEŁO”
BŁOGOSŁAWIONEGO PAISJUSZA WIELICZKOWSKIEGO:
NA OKOLICZNOŚĆ 300-LECIA URODZIN

Streszczenie

W początkach XIX wieku ostatecznie rozeszły się drogi zeuropeizowanej, sekularnej Rosji i ludowej „Świętej Rusi”. Nikołaj Bierdiajew wspominał, że Serafim Sarowski i Aleksander Puszkina żyli w jednym czasie, lecz nie wiedzieli o sobie nawzajem i nie mieli potrzeby się poznać. A jednocześnie w drugiej połowie XVIII wieku w klasztorach moldawskich pojawił się człowiek, o którym zapewne słyszał Puszkina i którego pisma z uwagą czytał św. Serafim. Nazywał się Paisjusz Wieliczkowski (1722-1794) i w swojej działalności określił drogi pokonania rozłamu. Jego uczniowie

znajdowali miejsce w rosyjskich klasztorach, jego utwory i translacje cieszyły się niezwykłą popularnością w środowisku zakonnym, a jego następcy przywrócili fenomen Pustelni Optyńskiej, do której przybywali wszyscy klasycy literatury – od Gogoła do Priszwina. Autora niniejszego tekstu interesuje Paisjusz jako autor własnej biografii. Istnieje kilka wariantów żywota tego błogosławionego, stworzonych przez jego uczniów. Autobiografia nie przypomina żywota, pod względem gatunkowym to raczej powieść awanturnicza, podczas gdy żywot Paisjusza, spisany przez jego ucznia Mitrofa, w pełni odpowiada kononowi hagiograficznemu.

Słowa kluczowe: rozłam; książki; ascetyzm; żywot; autobiografia; klasztor; Mołdawia; Rzeczpospolita; powieść awanturnicza.

THE “WORD” AND “DEED”
OF ST. PAISIUS VELICHKOVSKY:
ON THE 300TH ANNIVERSARY OF THE ASCETIC’S BIRTH

S u m m a r y

By the 19th century, the paths of Europeanised, secular Russia and the people’s “Holy Russia” had finally diverged. Nikolai Berdyaev reasoned that Seraphim of Sarov and Alexander Pushkin were contemporaries, but did not know about each other as they lived in separate worlds, that of literature and that of holiness. However, at the same time, in the second half of the 18th century in the monasteries of Moldavia, there was a man about whom Pushkin almost certainly heard and whose writings were carefully read by St. Seraphim. His name was Paisius Velichkovsky (1722-1794) and in his work he outlined ways to overcome the “split” that had taken place. The disciples of Paisius found refuge in Russian monasteries, his writings and translations of patristic texts enjoyed exceptional popularity among the monastic community, and his successors revived the phenomenon of the Optina eldership, as a result of which almost all literary classic writers from Gogol to Prishvin visited the Optina Monastery. The author of this article is primarily interested in Paisius as the author of his own biography. In addition to this text, there are several versions of the life of this ascetic, composed either by his disciples or by the disciples of his disciples. The autobiography does not resemble a life at all; in terms of genre, it is rather an adventure novel, whereas the life of Paisius, written by his disciple Mitrofan, fully corresponds to the hagiographic canon. The Paisian texts, combined into a single corpus, give an idea not only about the personality of the ascetic, but also about the meeting of two literary systems: that which still gravitated towards the traditions of the Middle Ages, and that which was inspired by the Early Modern Period. The personality of Paisius harmoniously combined those features traditional for an ascetic monk (a reference figure for the Russian Middle Ages), and those that revealed in him a dynamic 18th-century man. The author of this article is convinced that not only the legacy of Saint Paisius, but also his image, is the embodied answer to the question of how to overcome the “split”.

Keywords: split; books; asceticism; life; autobiography; monastery; Moldavia; Polish-Lithuanian Commonwealth; adventure novel.